

*Дейне, Эйве и Лайле.
Моим девочкам,
моему миру,
моему всему*

У каждого человека три жизни:
публичная, личная и тайная.

Габриэль Гарсиа Маркес

Глава 1

В тот вечер, когда ее семья была разодрана в клочья, женщина как ни в чем не бывало стояла у плиты, сквозь стекло присматривая, как запекается курица, и думая про себя, что на свете нет ничего страшнее подгоревшего жаркого.

Украдкой бросила взгляд на видеоняню на стойке. Увидела, что грудь шестимесячной дочери едва заметно вздымается и опадает, унимая тревогу матери, как целительный бальзам. Ее сын, теперь уже шестилетний, всегда ухитрялся выскользнуть из пеленок — она даже называла его «мой маленький Гудини»¹, — но дочь с самого рождения уютно и спокойно устраивалась в свертке мягкой ткани. Как сказал Брэд в день, когда они принесли ее домой: «Наше маленькое буррито»².

Сын после школы отправился играть к Закари Блумфилду, живущему за углом на Фокс-Хилл-Лейн. Пообещал вернуться домой к ужину в половине седьмого. А раз резиденция Блумфилдов всего в двух кварталах, она разрешила сыну вернуться в одиночку. Сейчас уже 18:38. Хотела было позвонить Мэллори, матери Закари, — узнать, как дела, но обещала Брэду, что без повода тревожиться не станет.

Социальная жизнь их сына — настоящее беличье колесо: что ни день, то детский праздник, день рождения или тренировка мальчишеской лиги по соккери. Поспевать за ним,

¹ Ироническая отсылка к наиболее известному трюку великого иллюзиониста Гарри Гудини: он освобождался, будучи закован в цепи.

² Буррито — блюдо мексиканской кухни: та или иная начинка «запеленута» в кукурузную лепешку-тортилью.

одновременно поддерживая в доме относительную чистоту и ухаживая за младенцем, — дело изнурительное, но ей приятно, что он такой активный, такой компанейский. Половина его одноклассников понемногу сводят чудесные деньки на нет в одиночестве, позволяя им истлевать в сиянии айпадов. В глубине души она радовалась, что сын задерживается. Конечно, ему этого говорить нельзя.

Кроме того, жаркое должно запекаться еще минут десять. Салат уже готов и ждет заправки восхитительным итальянским соусом собственного приготовления. Израильский кускус стоит на подогреве. Брэд работает по восемьдесят часов в неделю, но поклялся хотя бы иногда ужинать дома с семьей. И как раз сегодня семейный вечер.

Большинство вечеров она ужинает с глазу на глаз с сыном, тоскливо поглядывая на пустой стул Брэда и на малютку в качалке рядом с ним. Сын забалтывает ее до умопомрачения — жует и говорит. Жует и говорит. Не упустит ни одной мелочи, какой бы ничтожной та ни казалась. Потчует мать рассказами о скверной еде в столовке, с какими друзьями решил сесть и почему и на чьем дне рождения был лучший (и худший) торт. А она сидит и зачарованно слушает с блаженной улыбкой на лице.

Едва очистив тарелку, сын вылетает из-за стола, будто горящая шутиха. Она никогда его не останавливает, лишь молча уповает, что он задержится хотя бы еще чуточку, дорожа ее компанией. С любящим мужем, работающим день и ночь, чтобы обеспечить семью, и двумя замечательными здоровыми детьми грех даже думать так, но... не одинока ли она?

Большинство вечеров Брэд приходит домой выжатый как лимон, сбрасывает вещи грудой на пол спальни и валится в кровать. Трехминутный отчет на тему «Как прошел день», целомудренный поцелуйчик в губы — и вдруг уже настало утро. Близости у них не было с рождения дочери. Она отчаянно ждет, чтобы он сделал первый ход, жаждет, чтобы он бережно сунул руку ей под майку. Ей недостает его прикосновений, ощу-

щения его веса на себе, покалывания лица его щетиной. Она знает, что Брэд ради них изо дня в день выкладывается с утра до ночи. Они с трудом сводят концы с концами с той поры, как сошлись. Брэд приносит домой 80 тысяч долларов в год — едва хватает на выплату закладной и содержание семьи из четырех человек. Дом с тремя спальнями и двумя ванными должен был послужить лишь временным пристанищем, но средств совсем в обрез, и переехать отсюда в ближайшее время не светит.

Брэд вкалывает изо всех сил и нуждается в отдыхе. Но ее по-прежнему обуревают желание. И не только физической близости. Не так давно она от имени всего класса произносила речь на выпуске, была капитаном команд по хоккею на траве и плаванию и окончила колледж со средним баллом 3,9. Колебалась между медицинским и юридическим, зная, что способна преуспеть и там, и там. Ее острый ум и трудолюбие не знали себе равных. Мир готов был покориться ей, если только она захочет. И она хотела.

Когда забеременела вскоре после диплома, это стало сюрпризом, но вовсе не скверным. Она отодвинула свои амбиции на заднюю конфорку в чайнике, что они останутся теплыми. Но семь лет спустя карьерные притязания остыли, как и супружеское ложе. И неожиданно-негаданно она вдруг стала тридцатилетней домохозяйкой. Чувствует себя слишком старой, чтобы возвращаться к учебе, но при мысли, что растрчивает остатки молодости на отслеживание готовности жаркого, так и хочется сигануть с моста.

В складской ячейке у нее по-прежнему пылятся ящик на ящике справочной литературы, погребенные под старыми школьными альбомами и джинсами, в которые уже не втиснуться никогда. Медицина. Право. История. В такие вот вечера, как сегодня, стоя в одиночестве перед плитой, она слышит их зов. Книги — точильные камни, а ее интеллект — затупившийся стальной клинок. Сын уже в школе, а дочь скоро подрастет достаточно, чтобы пойти в ясли. Пожалуй, настало время оживить чувства.

А тем временем нужно раздуть огонь в отношениях с Брэдом. В субботу сын отправится на празднование дня рождения чуть дальше по улице, а пробудить дочь от послеобеденного сна можно разве что ядерным взрывом. Она затащит мужа в постель — если потребуются, то пинками и воплями. Приговор: покончить с воздержанием. Без права на обжалование.

Вот и жаркое поспело.

Вытащив блюдо из духовки и сняв фольгу, она оставила его выстаиваться. Выудила светлый волос из булькающего сыра, упрекая себя за невнимательность. Посмотрела на часы. 18:51. От мужа и сына ни слуху ни духу. Ее начало охватывать раздражение. И легкая тревога.

Стол накрыт. Можно подавать. Позвонила Брэду на сотовый. И сразу же автоответчик. Странно. Брэд никогда не включает телефон.

Совершила круг по столовой, поправила приборы, разглядела салфетки. И уже начала было набирать номер Блумфилдов, когда послышался звук открывшейся двери.

— Мам! — крикнул сын с улицы. — Можешь сюда подойти? — В голосе сквозила озабоченность. И что-то еще... дрожь страха, от которой у нее пробежали мурашки вдоль хребта.

— Зайка! Все хорошо? — откликнулась она, списав свои страхи на банальные материнские тревоги. С ним все в порядке. Все в порядке. — Я на кухне. Ступай умойся перед ужином. Отец скоро придет.

— Кто-то что-то оставил на крыльце, — дрожащим голосом сообщил он. — Что-то в мешке. Мам, иди сюда.

Что-то в мешке? В последнее время она ничего не заказывала онлайн — и уж тем более такого, что доставляют в мешках.

— Это из химчистки?

— Нет, не такой мешок. Там... там что-то мокрое! — крикнул он. — Красное.

«Красное?!»

— Подожди, солнышко! Я иду!

Чувствуя, как колотится сердце в груди, она бросилась к сыну. Передняя дверь нараспашку. Опустившись на колени на верхней ступеньке, он развязывал большой коричневый холщовый мешок.

— Зайка, стой! — вскрикнула она. — Неизвестно, что...

И тут увидела то же, что и он — алое пятно. Даже не пятно, скорее, потек. Что-то впивалось в ткань *изнутри*.

— Детка, не надо...

Но он уже закончил развязывать мешок. У нее на глазах растянул завязки и открыл горловину.

Выражение лица сына при виде содержимого мешка впечаталось ей в память навечно, как каленым железом.

Глаза его широко — куда шире, чем кажется возможным, — распахнулись, губы задрожали, а рот оформился в трагическое «о». Сначала без единого звука. Но затем крик прорвался из глубин — жуткий, отчаянный вой, от которого у нее поджилки затряслись.

Он опрокинулся на крыльцо навзничь, захлебываясь криком. Подхватив сына в объятия, она крепко обняла его, прижав лицо к груди, так что ее толстый кардиган заглушил крик. Он трясся всем телом, разинув рот настолько широко, что его зубы вдавились в кожу ее предплечья. Она попыталась отстранить сына, испугавшись, что тот может задохнуться, но он, впившись скрюченными пальцами ей в спину, продолжал выть, пока она гладила его волосы. А потом опустила глаза к открытому мешку.

И тоже взвыла.

Глава 2

СЕМЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Цокая каблуками по темным обледеневшим бульжникам мостовой, Рейчел Марин спешила домой, кутаясь от пронизывающего декабрьского ветра. Послеобеденная няня Айрис уже два-

жды грозились уволиться, если Рейчел не начнет приходить домой вовремя. Она должна быть дома к семи вечера. А уже 19:42.

Нитки, удерживающие две верхние пуговицы пальто, разболтались, и холодный ветер пробирался внутрь, промораживая до костей. Конечно, пришить болтающуюся пуговицу Рейчел вполне по силам, но улучшить целых десять минут, отвлекшись от детей и работы, — все равно что выжать из кирпича шоколадное молоко.

С тех пор как на город Эшби, штат Иллинойс, обрушилась суровая зима, свободные такси ушли в небытие, общественный транспорт набит выше крыши, а ближайший «Убер» в двадцати минутах отсюда. Нехватка транспорта напомнила Рейчел, почему многие называют Эшби «бюджетным Чикаго». В города вроде Эшби перебираются те, кому столичная жизнь не по карману, кто довольствуется изобилием торгово-развлекательных центров и отсутствием культурной жизни — одним (запущенным) кинотеатром, местной театральной труппой и огромным числом бургерных на душу населения. Но культура тут ни при чем. Впрочем, и финансовые трудности тоже. Этот непритязательный городок позволил Рейчел с детьми начать жизнь заново. А главное было именно начать с чистого, незапятнанного листа.

Вот так Рейчел и утраздило нестись во всю прыть по запорошенному снегом тротуару под темнеющими небесами, отчаянно размахивая сумочкой туда-сюда в ходе слалома между прохожими, стараясь не угодить каблуком в трещину мостовой и не сшибить бедолаг, будто кегли в пухлых одеяниях. Осталось всего пять кварталов, это уже финишная прямая. Рейчел попросит у Айрис прощения и, может быть — может быть, — поспеет домой как раз вовремя, чтобы почтить дочке на сон грядущий.

Она заметила мужчину, перекрывшего дорогу, когда было уже слишком поздно.

Он встал перед ней — крупный, крепкий, с веснушчатой лысиной и румяными щеками, так что Рейчел попросту с наскоку отлетела от него, как теннисный мячик от бетонной

стены. Плдохнулась, болезненно приземлившись на копчик; таз прошла молния боли. Женщина ощутила, как слякоть сочится в брюки.

Наклонившись, мужик сграбастал ее за локоть и, вложив в бросок все свои две с половиной сотни фунтов, швырнул ее в переулочок. Жестко приземлившись на четвереньки, Рейчел схватилась за сумочку. Вцепившись Рейчел в запястье, тот немного подержал, словно говоря: «Не стой», и швырнул ее о кирпичную стену. Ее спина, ладони и колени были покрыты слякотью и снегом. Амбал навалился на нее всем весом, прижав предплечье к шее. Дыхание его смердело луком и пивом.

— Я могу раздавить твоё горло, как пакетик кетчупа, — прошептал он ей на ухо, щетиной ободрав ей щеку. — Только пикни, и я буду давить, пока оно не лопнет.

Ослабил давление ровно настолько, чтобы дать ей передохнуть, но продолжал давить, давая понять, что может и передумать. Свободной рукой стащил ремешок ее сумочки с плеча, нажал на латунную застежку и извлек бумажник. Потом перевернул сумочку вверх дном и тряс, пока все имущество Рейчел не вывалилось в грязь.

В грязь полетели помада, тампоны, зеркальце, расческа, шоколадный батончик, пачка жевательной резинки без сахара и косметический набор. Бросив сумочку в слякоть, бугай расстегнул бумажник и улыбнулся при виде угнездившейся там толстой стопки двадцаток.

— Это плата моей няне, — подала голос Рейчел.

— Была няне, стала мне. — Тот сунул купюры в карман своей темно-зеленой куртки-бомбер.

— Пожалуйста, не надо.

— Считаю себя везучей, раз я только беру деньги. — Он надавил предплечьем ей на горло чуть жестче. Рейчел едва трепыхалась под его массой.

— Пожалуйста, — еле выдавила она, — я только хочу вернуться домой к детям. Уходите сейчас же, и мы сможем забыть о случившемся.

Грабитель уставился на нее. Она заметила, как взгляд его чуть заметно дрогнул, словно он задумался над просьбой. Потом посмотрел вдоль переулка. Ни души. И темень. Рейчел ощутила, как что-то трется о ее ногу, и тут же сообразила, что должно вот-вот случиться.

— Было бы жаль заканчивать вечер слишком рано. — Он потащил ее дальше в переулок. — Только крикни, и я вскрою тебя там, где у тебя еще ни дырочки.

— Сэр, — произнесла она, прочно упершись ногами в землю, — прошу вас не делать этого. Вы пожалеете.

— Я пожалею?! — Он от души хохотнул. — Проси, сколько хочешь, так даже веселее.

— Пожалуйста. Не вынуждайте меня делать это.

Он застыл. Оглянулся с заинтересованным видом, по-прежнему удерживая ее за запястье.

— Не вынуждать тебя делать что?

Рейчел вздохнула. Не успел амбал и дух перевести, как она вскинула предплечье кверху, так что тыльная сторона ее ладони оказалась перед носом, вынудив его выпрямить руку сгибом кверху, чтобы не разжать хватку. И тут же Рейчел выбросила вверх свободную руку прямо ему под локоть, перегибая сустав и разрывая лучевую и боковую связки локтя. Он взвыл от боли, схватившись за пострадавшую руку, и отпустил Рейчел.

Она тут же превратила ладонь в клинок, всадив пальцы ему в горло. Бугай засипел, выпучив глаза, и рухнул на колени, со всхлипами хватая воздух ртом. По щекам его заструились слезы. А когда, покачиваясь, он снова поднялся на ноги, Рейчел воспользовалась его же инерцией, чтобы долбануть мужика лбом о кирпичную стену. Он повалился на землю. После этого Рейчел вдавила острие каблука в мягкую ложбинку на его лодыжке, где сходятся большая берцовая и таранная кости.

— Если надавлю посильнее, — сообщила Рейчел, — то расщеплю лодыжку надвое. Закричишь — и я раздавлю ее, как пакетик кетчупа.

— Чего тебе надо? — выдавил грабитель между стонами.

— Чего мне надо? Гм-м. Так... чего же мне надо... — саркастически произнесла Рейчел. — Ну, мне надо *было* поспеть домой вовремя, чтобы почитать дочурке сказку перед сном, но ты погубил эту возможность, так что спасибо.

Рейчел опустила на колено, продолжая давить на лодыжку бугая, и сунула руку в карман его куртки. Забрала свои деньги. В одном из карманов обнаружила его бумажник. В другом — небольшой складной нож. Открыла лезвие.

Осмотрела клинок. Старый, тупой. Несерьезное оружие несерьезного человека.

Прижала острие ножа к пояснице гада, чуть выше таза. Он оцепенел.

— Умоляю, — проронил негромко.

— Этот участок спинного мозга известен как конский хвост, — сказала Рейчел. — Группа нервных окончаний, управляющих всем — от моторных функций и функционирования органов до нижних конечностей. Суть в том, что я могу сделать тебя парализованным, ты и чихнуть не успеешь. — Она вдавила острие сильнее. Сопли, кровь и слезы, смешиваясь, потекли по его лицу и закапали в грязь.

Рейчел методично нашарила на земле и уложила обратно в сумочку все разбросанные вещи. Открыв на мобильном телефоне приложение камеры, сделала несколько снимков латунной застежки. Потом, открыв его бумажник, извлекла водительские права.

— Реджинальд Бартек, — зачитала вслух, — Сикамор-Лейн, 115, в Северном Эшби.

И озадаченно изучила права Бартека.

— Ух ты, да ты живешь в шикарном районе, Реджи. В этой части города с двумя спальнями и двумя ванными дом запросто потянет на полтора миллиона, — потянула воздух носом. — А этот твой одеколон «Том Форд» идет по сотне баксов флакон. Мои деньги тебе нужны, как мне подводная лодка.

Поводила кончиками пальцев по бумажнику Бартека.